
Татьяна Пушкина
Закалённая
18+

Татьяна Пушкина

Закалённая

«Автор»
2026

Пушкина Т.

Закалённая / Т. Пушкина — «Автор», 2026

История о женщине, чей характер закалился в суровых испытаниях. Проходя сквозь разруху, предательство и тяжелый труд, словно хрупкий цветок, пробивающийся сквозь трещины в холодном бетоне, она не сдалась. Это рассказ о преодолении, стальном характере и долгожданном рассвете, ведущем к свободе и вере.

© Пушкина Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Татьяна Пушкина
Закалённая

Глава 1

ЧАСТЬ 1. ХРУПКОЕ ДЕТСТВО

Глава 1. Запах канифоли и мамина улыбка.

Я родилась в маленьком шахтерском городке, который со всех сторон плотно обнимали горы и реки. В таких местах жизнь течет по своим законам: здесь все друг друга знают, а если и не знакомы лично, то точно хоть раз встречались взглядами на узких уличных перекрестках.

Моё детство начиналось в самой обычной семье — по крайней мере, мне, маленькой девочке, тогда так казалось. Нас было четверо: мама, папа, старшая сестра и я.

Из всех детских воспоминаний о папе ярче всего в памяти остались вечера, когда он занимался фотографией. Я помню, как он подолгу сидел в темноте, колдуя над проявлением плёнки, и на глянцевой бумаге в ванночке с раствором вдруг, как по волшебству, проступали лица и силуэты. Папа вообще был мастером на все руки. На кухонном подоконнике у нас вечно лежали какие-то микросхемы, провода, мелкие детали и паяльник. До сих пор помню этот особенный, ни на что не похожий запах канифоли, который густо разливался по кухне, когда папа что-то чинил или паял. Этот запах для меня навсегда остался запахом дома и безопасности.

С мамой всё было иначе. Когда меня спрашивают о ней, я часто ловлю себя на мысли, что почти не помню, что именно она делала по дому. Но она всегда, абсолютно всегда была рядом. Сколько я её помню, мама сильно болела — у неё был рассеянный склероз. В самые ранние мои годы она ещё могла ходить, иногда опираясь на костыли.

Но болезнь не могла забрать у неё радость. Я отчётливо помню, как к нам в дом приходили гости. Маме уже тогда было тяжело, но она всё равно улыбалась, радовалась людям и даже пыталась танцевать, превозмогая недуг. А ещё в комнате стояли огромные, непривычно большие бобины ниток. Мама шила на машинке одежду из трикотажа — этот стрёкот швейной иглы и мелькание ярких тканей тоже стали частью моего детского мира.

Моя старшая сестра была старше меня на целых десять лет, поэтому в моих первых воспоминаниях она уже взрослая, школьница. Я помню её старый коричневый портфель — таких сейчас уже совсем не делают. Помню её тетрадки и особенную ручку, которую нужно было заправлять настоящими чернилами. У этих чернил был какой-то невероятно красивый, глубокий цвет. Мне, маленькой, всегда до безумия хотелось тайком стащить эту ручку и порисовать ею в своей тетрадке, прикоснуться к этой загадочной взрослой жизни...

Я отчетливо помню день, когда мне было около пяти лет. В коридоре стоял большой чёрный кожаный чемодан. Возле него стоял папа. Он уезжал навсегда — к своим родителям. Только много позже я узнала и поняла, почему это произошло. Мама, осознав, насколько тяжело и необратимо её состояние, сама отпустила его. Она была старше, а он — совсем молодой мужчина, и она не хотела ломать ему жизнь, не хотела приковывать его к своей болезни. Это был её первый, тихий и очень болезненный подвиг ради него.

После отъезда отца к нам переехала бабушка — мамина мама. Она как раз вышла на пенсию. До этого бабушка работала нянечкой в детском саду, в который ходила я. В том же самом садике когда-то давно, ещё до моего рождения, мама работала воспитателем. Я всегда безумно гордилась этим фактом. В садике бабушка тайком прибегала ко мне из другой группы и угощала конфетами — это были наши маленькие секреты.

Из садика меня обычно забирала сестра. Один такой день врезался в память до мельчайших подробностей. У нас появилась новая, совсем молодая воспитательница, и после смены мы

с ней и сестрой пошли в кафе-мороженое. Какое же это было счастье! Помню пластмассовые стаканчики-блюдечки для шариков мороженого — когда я выросла, я больше никогда таких не встречала. В витрине стоял торт «Птичье молоко», и я, совсем глупышка, была искренне уверена, что его делают из настоящего молока каких-то сказочных птиц. Потом сестра купила мне газировку из автомата, а хрустящий конусный стаканчик с мороженым я приставила к носу, смеясь на всё кафе: «Смотрите, я Буратино!».

А потом мне исполнилось шесть. На пороге стоял Новый год. Мама к тому времени уже совсем не могла ходить. Но мы не могли оставить её дома, вдали от праздника. Мы с бабушкой одели её в тяжелую зимнюю шубу с кожаными вставками, надели большую соболевую шапку и усадили в деревянные сани. Бабушка тянула санки впереди за верёвочку, а я, шестилетняя девочка, изо всех сил толкала их сзади. Так, по хрустящему снегу, мы привезли маму на мой новогодний утренник в детский сад. Весь праздник я выступала на сцене, пела и танцевала, но смотрела только в одну точку — на маму, которая сидела в зале и улыбалась мне.

Это была последняя мамина зима на ногах. Дальше в моей памяти осталась только одна картина: мама неподвижно лежит на диване, её ноги навсегда согнуты в коленях. Так продолжалось долгих четыре года.

Моё детство закончилось мгновенно. Вместо кукол в мою жизнь вошли совсем не детские обязанности. Я научилась осторожно поднимать её затекшие, непослушные ноги и подставлять судно. Когда я уходила играть в другую комнату, из зала то и дело доносился её громкий, надрывный крик: «Ты где?! Иди сюда!». Тогда, будучи маленькой, я злилась. Меня это ужасно раздражало, мне хотелось крикнуть в ответ, захлопнуть дверь.

И только спустя годы, став взрослой женщиной и матерью, я поняла, что скрывалось за этим криком. Это была не злость. Это был дикий, парализующий страх беспомощного человека. Мама лежала на диване и не могла пошевелиться, её нервная система была полностью разрушена болезнью. Она до безумия боялась за меня — вдруг я обожгусь, упаду, устрою пожар? Она кричала и плакала от своего бессилия, потому что в случае беды она физически не смогла бы подняться и спасти своего ребёнка…

Глава 2

Глава 2. Островок тепла и запахи папиного дома

Спасением для меня стали летние месяцы. Каждое лето меня увозили в дом к отцу, его родителям и прабабушке. После нашей тесной, пропитанной болезнью квартиры, их четырёхкомнатное жилье казалось мне огромным, полным жизни миром.

Меня укладывали спать прямо посреди большой комнаты, на раскладушке, между кроватями бабушки и дедушки. Мне безумно нравилось это ощущение защищенности, хотя засыпать удавалось не сразу. В комнате висели старинные часы с курантами — каждые шестьдесят минут они звонко и размеренно били, что меня, маленькую, ужасно раздражало. А ещё меня одновременно злило и забавляло то, как бабушка с дедушкой спали: они храпели строго по очереди, будто соревнуясь друг с другом, выводя в темноте свой семейный ночной концерт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.